

УДК 101.1:316

**КАТЕГОРИЯ «МЕСТОРАЗВИТИЕ»
В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЕВРАЗИЙСТВА**

Павочка С. Г.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Евразийцы предметом исторического познания полагали «историческое действие народа». Связь народа и создаваемого им государства, народа с пространством (его «месторазвитием») далеко не случайна, несмотря на то, что сам исторический процесс стихийен и приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, которые лишь в незначительной степени зависят от субъективных ожиданий людей. «Жизненная сила», обнаруживаемая В. Г. Вернадским в каждой народности, всегда стремится к своему максимальному проявлению. Любая народность при этом, осваивая специфический тип своего месторазвития, оказывает обратное физическое и психическое давление на окружающую физическую и географическую среду. Поэтому как создание государства народом, так и «усвоение» им территории, поставлены в зависимость от силы этого давления и силы встречаемого сопротивления. История являет собой чередование «подъемов» и «депрессий», периодическую ритмичность государствообразующего процесса. В этом плане русский народ занял собственное место в истории благодаря тому, что обладал исключительной способностью к освоению доставшейся ему географической среды. Степень давления на окружающую среду и степень сопротивления, противопоставляемая окружающей средой, являются основными элементами русской истории. По

этой причине «внутреннее развитие» самой русской народности необходимо соотносить с внешней исторической (географической, этнической и т. д.) средой, выступившей предпосылкой и фактором развития России. Указывая на отсутствие «естественных границ» между «Европейской» и «Азиатской» Россией, евразийцы отрицали наличие двух России – «Европейской» и «Азиатской», констатировали существование одной России-Евразии как наделенной естественными границами географической области, освоенной русским народом в стихийном процессе его исторического движения.

Россия-Евразия, указывал П. Н. Савицкий, есть целостное и обособленное «месторазвитие» [1]. Сам этот термин имел в основе естественнонаучную аналогию: месторождение полезных ископаемых, местоформирование почв, местопроизрастание растительных сообществ, местообитание животных сообществ, месторазвитие человеческого общества. Данный ряд позволяет выделить сходные моменты в самых различных явлениях неорганического и органического миров. Установление этого ряда отсылает к «связи наук» и к их синтезу: «Чтобы приблизиться в пределах скромных человеческих возможностей к цельному пониманию мира, нужно приводить в соприкосновение данные различных наук» [1]. Указанное соприкосновение обращено евразийцами к социально-историческому миру и позволяет воспринимать его и отдельные его части как общежития «широкого порядка», выстраиваемые на основе «генетических вековечных связей» между растительным, животным и минеральным царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и духовным миром – с другой. Перечисленные компоненты взаимно приспособлены в общежитиях друг к другу, оказывая воздействия на внешнюю среду. Социально-историческая среда и ее территория сливаются в единое целое – географический индивидуум, или ландшафт. Социально-историческая среда немислима вне территории в чистом виде. Поэтому, не зная свойств территории, нельзя ничего понять в «образе жизни» общества.

Введение в обществознание термина «месторазвитие» имело своей целью подчеркнуть связь явлений различного порядка, а также связь социально-исторической среды с внешней обстановкой. При этом в Евразии начала «месторазвития» преобладают над началом «генетической близости» [1]. Категория месторазвития позволила П. Н. Савицкому обосновать новую отрасль знаний – геософию как синтез географических и исторических начал. Смычка географии и истории предполагала наложение на сеть географических признаков сети признаков исторических, характеризующих Евразию как особый мир. И это наложение показывало, что черты национального характера, особенности

хозяйства образуют известные «параллелизмы» сети географических размышлений. Геософский анализ истории приводил евразийцев к выводу о том, что отдельным месторазвитиям присущи определенные формы культуры, независимо от их «генетической близости» или «расового смешения». Поскольку культура является принадлежностью месторазвития, то каждая социальная среда стремится приспособить месторазвитие к себе. Процесс приспособления осуществляется двумя путями: 1) непосредственно путем взаимодействия между социально-исторической средой и ее обстановкой; 2) путем взаимодействия, опосредованного культурой, ранее созданной в данном месторазвитии. Примерами здесь могут являться «китаизация» народов, проникавших в китайское месторазвитие; «индуизация» пришельцев в Индию, «иранизация» и др.

Понятие месторазвития евразийцы пытались сомкнуть с понятием культурно-исторического типа Данилевского. Им импонировала мысль позднего славянофила о разнообразии форм исторической жизни по культурно-историческим типам, или цивилизациям. Каждый культурно-исторический тип евразийцы соотносили с месторазвитием, а ряд выявленных Данилевским типов они продолжили и замкнули евразийским культурно-историческим типом. Развивая геософские построения, мыслители дистанцировались от крайних форм географического материализма (монизма), непосредственно редуцирующего человеческую историю и жизнь к географическим началам. Концепция месторазвития включала в себя признаки множественности форм человеческой истории и жизни и, наряду с географическим, позволяла выделить ни к чему не сводимое духовное начало жизни: «Живым ощущением материального не ослабляется, но усиливается живое чувство духовных принципов жизни» [1]. И только в контексте этих принципов для евразийцев было возможно «целостное понимание мира».

ЛИТЕРАТУРА

Савицкий, П. Н. Географический обзор России-Евразии / П. Н. Савицкий // Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997.